(Продолжение. Начало в № 34-35, 36-37, 38-39, 40)

Зинаида ШАРКО

Мои анкетные данные

(Счастье)

На одной репетиции "Кошек-мышек" он вдруг спросил: "Да, кстати, а который теперь час? Что-то я немного устал". – "Без десяти пять, Георгий Александрович". – "Да что вы! Ну, тогда репетиция окончена". А репетиция началась в 11 часов утра и продолжалась до 5 вечера без перерыва. И никто не заметил времени, и никто не устал.

Как всегда бывает в репетициях, кто-то из актеров вырывается вперед, по разным причинам – то ли роль оказалась ближе и понятнее, то ли быстрее схватил суть своего персонажа. На "Трех сестрах" таким оказался Кирилл Лавров в роли Соленого.

И вот тут началось!

Это было какое-то упоенное колдовство двоих. Они заводились друг от друга, импровизировали. Георгий Александрович засыпал Лаврова каскадом предложений, тот немедленно их принимал и развивал дальше. И хоть в сцене были заняты и другие актеры, на этот раз таким счастливчиком оказался именно Лавров. Мы – жалкие, заброшенные три сестры: Доронина, Эмма Попова и я – потухшие стояли в сторонке. Наконец, Эмма Попова прошептала: "Интересно, как будет называться спектакль? Все-таки "Три сестры" или просто "Соленый"?".

Думаю, в этой самоотдаче и был секрет успеха нашего театра и прекрасных актерских работ, которыми всегда славились спектакли Георгия Александровича.

В какой-то статье я прочла: "В спектакле "Три мешка сорной пшеницы" Товстоногов специально для Шарко сочиняет роль".

Да, действительно "сочиняет".

Но и мы "сочиняли" вместе с ним.

В этом спектакле я играла Маньку – такого персонажа в романе Тендрякова нет.

В сцене ареста Адриана у меня был душераздирающий плач, подслушанный где-то в деревне композитором Валерием Гаврилиным.

Кстати, музыка, сочиненная им к этому спектаклю, теперь часто звучит в концертах совершенно самостоятельно и стала уже классической камерной музыкой.

И кроме сцены ареста Адриана, у меня была еще одна, где я прибегаю в правление колхоза с вестью о смерти Кистерева.

Сильная сцена.

"Ой, родненькие, ой, золотые! Беда! Беда! В одночасье! Лежит родненький! На дороге! Ручеька в сторону откинута! В небушко смотрит!".

На одной репетиции похорон Кистерева я подошла к Георгию Александровичу.

– Георгий Александрович, а почему меня нет на похоронах? Я же его всю жизнь любила.

И снова, без паузы и даже с возмущением:

– Да, кстати, а почему вас нет?!

И посадил меня в изголовье "могилы", осветил мое, залитое слезами, лицо прожекторами – и роль получилась завершенной, тем более, что это был финал спектакля.

Потом завлит театра Д.М.Шварц, стоящая на страже интересов автора, возмущалась: "Где ты это вычитала? В романе этого нет! Он одинокий человек, у него нет никого, кроме собак, в этом одиночестве его трагедия!".

Все правильно!

Но я же не добавила ни единого слова. А то, что я "любила его всю жизнь", это вопрос биографии моей Маньки. Никто и никогда об этом не узнал и не узнает. И трагедия одиночества Кистерева сохраняется. Только градус жизни моей Маньки стал другим. Одно дело, когда о смерти Кистерева сообщает просто какая-то Манька, и совершенно другое – всю жизнь любящая его женщина.

В 1975 году в наш театр пришел Андрюша Толубеев. К нему Георгий Александрович с первых его шагов испытывал особую нежность. Первую роль Андрей получил в спектакле "Дачники". Когда репетиции перешли уже на большую сцену, обнаружилось, что роль явно не для дебюта. И Георгий Александрович вообще вымарывает этот персонаж из спектакля. И следующая роль, уже большая и главная, была в "Жестоких играх", где он прекрасно сыграл и занял в труппе достойное место ведущего артиста. По-моему, это образец бережного, если хотите, хозяйственного отношения к начинающему актеру. Во время репетиций "Мачехи Саманишвили" я подошла к Георгию Александровичу: "Как хорошо репетирует Андрюша". На что он развел руками, улыбнулся так, будто моя похвала относится к нему самому: "Ну, Андрюша есть Андрюша!".

Он просто обожал, когда в зрительном зале на его репетициях присутствовали актеры, не занятые в спектакле. Он, как всегда, расхаживал по проходу и наблюдал за реакцией присутствующих. Это его ободряло, вдохновляло. Иногда он бросал нам реплики, как бы признавая нас соучастниками репетиции.

Однажды на репетиции "История лошади" только открылся занавес первого акта, и Жорик Штиль запел свою арию "Опять пущать коней...", Георгий Александрович, проходя мимо нас, горделиво бросил: "Как вам наш собственный Карузо?".

Ну, а когда он занимал в зрительном зале свое обычное место за режиссерским столиком в 10 ряду и начинал репетицию, я не знаю, что было интереснее, выразительнее и талантливее, – то, что происходило на сцене, или то, как он за всех проигрывал, с неизменной сигаретой в руке, и привставал, и откидывался, и хмурился, и хохотал, и подпевал, и как-то по-особенному, по-товстоноговски хрюкал. (Это его знаменитое хрюканье для нас всегда было знаком одобрения, когда мы, находящиеся на сцене, слышали его из зрительного зала!). Когда репетицию снимали на пленку, мне всегда хотелось крикнуть теле и кинооператорам: "Да не то вы снимаете! Поверните камеру на него – у вас будут гениальные и неповторимые, уникальные кадры"!

А чего стоит благодарность, вывешенная в театре после премьеры "Истории лошади":

– Благодарю всех артистов, участников сцен табуна за творческое отношение к своему делу. Ярким исполнением ваших небольших ролей вы доказали, что понятие "массовка" в настоящем театре устарело и как таковое не существует.

Было сотое представление "Мещан", с моей точки зрения, эталонно-классического великого спектакля. Я смотрела его, по меньшей мере, раз десять – и всегда с неизменным восхищением, удивляясь и преклоняясь и досадуя, что меня там нет, готовая сыграть любую, даже самую маленькую роль. И на банкете Георгий Александрович первый тост предложил "За артистов, не занятых в этом спектакле", как бы угадав мои мысли, и понимая, что быть занятым – это большая честь для любого из нас.

Бывали в нашей биографии и забавные истории.

1959 год. Сочинский пляж. Я стою – загорелая, в каком-то, немыслимом по тем временам, шикарном импортном белом купальнике, длинноногая, с изящной фигуркой, – да, да! – это я о себе! Иначе как же оправдать сказанный Георгием Александровичем текст:

– Зина! Вы прекрасно смотритесь – просто чемпионка мира по плаванию! Поплыли?

И мы, естественно, поплыли.

А плавать я абсолютно не умела – как в том анекдоте, – но надо же оправдать "чемпионку мира". Через несколько метров "плавания" он оборачивается:

– Зина! Почему вы плаваете стоя?

А я изо всех сил барахталась, тщетно пытаясь установить свое "чемпионское" тело в горизонтальное положение.

После этой истории я была вынуждена научиться плавать. И тогда я в очередной раз в него влюбилась, наглядно убедившись, насколько разносторонен и гениален мой главный режиссер.

Дворец Искусств. Концерт Клавдии Ивановны Шульженко для деятелей культуры города Ленинграда. Полный зрительный зал. В ложе, расположенной почти на сцене, двое: Георгий Александрович и я.

Клавдия Ивановна объявляет "Руки" – зал взрывается аплодисментами. И в это время Г.А. шепчет мне на ухо: "Зина, подставляйте мысленно под слово "руки" слово "уши".

Бедная Клавдия Ивановна начинает гениально петь свой гениальный романс.

Руки! Вы, словно две большие птицы!
Как вы летали, как оживляли все вокруг!
Руки! Как вы легко могли обвиться,
И все печали снимали вдруг!
Руки! Как вы легко могли проститься!
И все печали мне дали вдруг!

И буквально у ног исполнительницы сидит "представитель культуры города Ленинграда" Зиночка Шарко и давится от хохота. Рядом с ней гордость культуры того же города, увенчанный Ленинской премией и многочисленными государственными. Художественный Руководитель и Главный Режиссер прославленного Большого Драматического Театра имени Горького, Народный Артист СССР с лицом, соответствующим положению и званию, с выражением, полным любви и внимания к Клавдии Ивановне и таким искренним сопереживанием тому, о чем она поет!

Много позже, когда я сама стала выходить на концертную эстраду, я в полной мере оценила состояние и актерское мужество Клавдии Ивановны – не видеть она меня не могла. Лично я эту обнаглевшую девицу или выгнала бы из зала, или сама ушла со сцены. Думаю, только столь высокое соседство спасло меня и концерт от скандального финала.

В 1961 году у меня сложилась критическая жизненная ситуация. И в день своего рождения я играла два спектакля, чему была чрезвычайно рада, ибо дома меня никто не ждал и поздравлять было некому. После утреннего спектакля мне в театр позвонила сестра Георгия Александровича Додо, как близкие ее называют.

– Что ты делаешь вечером?

– Играю спектакль.

– Но он рано заканчивается. Ты не можешь по дороге домой заглянуть к нам?

И я "заглянула".

В прихожей – обычные приветствия, обычные "как прошел спектакль", а в комнате – накрыт шикарный грузинский стол и за столом – наши общие друзья.

Вот так мне был подарен праздник – пожалуй, лучший день рождения в моей жизни, потому что все прочие давно забылись, а этот остался в благодарной памяти навсегда.

А сколько радости он дарил нам своим присутствием, самим фактом своего бытия.

В Англии есть такая традиция – если над Букингемским дворцом развевается английский флаг, значит королева во дворце. У нас была своя традиция – если все службы на месте: завлит, завтруппой, администрация, секретари, заведующие цехами – значит, Георгий Александрович в театре.

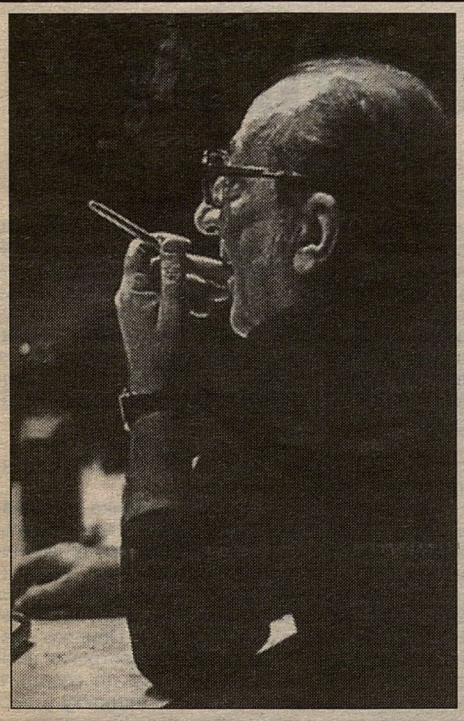
Он был энциклопедически образован. Как мы гордились своим худруком и даже, если хотите, страной, когда "наш" при встрече с приезжавшими к нам гостями говорил с Жан Поль Сартром на чисто французском языке, с Генрихом Беллем – на чисто немецком.

Он приходил в театр раньше всех и уходил позже всех. Он был эталоном вкуса в одежде. И как мы, его артистки, готовились к открытию сезона, зная, что наши туалеты будут замечены и отмечены его внимательным взглядом!

Однажды, придя домой, он сказал своей сестре: "Я не знаю, чем ты занималась все лето?! Зина пришла на сбор труппы в такой мексиканской юбке!".

Как-то я пришла на репетицию "Трех сестер" очень рано. Репетировали уже на большой сцене. Вошла в зрительный зал и услышала звуки рояля, доносившиеся из темноты за кулисами. Играл Георгий Александрович. Ему не нравился мхатовский марш, с которым уходил полк Вершинина, и он сочинил свой, тот, что звучал в нашем спектакле.

Помню премьеру "Сколько лет, сколько зим". После банкета почему-то несколько человек оказались в моей гримерной, кто-то сидел в креслах, кто-то на полу на ковре. И мы



читали стихи. А потом начал читать Георгий Александрович. Он знал и любил поэзию, особенно грузинскую. Мы сидели зачарованные и тем, что он читал, и особенно, как он читал! А его знаменитое:

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это облик высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий негустой
Иней над моей плитой
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

Разошлись мы, когда уже начало светать. Какое счастье, что сохранились записи его голоса в спектаклях. В "Пяти вечерах" он читал авторские ремарки перед каждой картиной. Читал поразительно! Прочтя пьесу, он сказал автору: "Я поставлю пьесу с волшебством". Володин тогда не понял, что он имел в виду, – сама пьеса для волшебства вроде бы повода не давала. А с первых звуков его голоса уже начиналось то самое волшебство, которое пронизывало весь спектакль и освещало нас, исполнителей. А "Ханума"!

И здесь его авторский голос, и здесь его волшебство?

Только я глаза открою,
Предо мною ты встаешь!
Только я глаза закрою,
Под ресницами плывешь!

А наши премьерные праздники!

Мы все пели. Был знаменитый в театре дуэт Эмма Попова и Зина Шарко – мы пели a capella по-французски "Cherie, ma petite je t`aime" и по-грузински "Тбилисо". Пел Паша Луспекаев, пела Люся Макарова. А потом наступало самое сокровенное: "наш" садился за рояль и пел своим неповторимым, завораживающим, гортанным баритоном:

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щеку с ямочкой
Сережка с камешком
Ложится тенью.

И после этого уже ничего быть не могло! Это была вершина праздника! И мы расходились по домам с ощущением блаженства, счастья, веры в совершенство мира, в то, что жизнь прекрасна, а завтра будет еще совершеннее и прекрасней.

Меня Георгий Александрович любил. Но очень своеобразной любовью. Началось это еще с "Пяти вечеров".

До того, как включился в работу он сам, мы репетировали с Р.А.Сиротой. И когда мы были, как у нас говорят, уже "на ножках", показали результат ему.

– Ну, что ж, друзья мои, все это прекрасно. Но то, что делает Зина...

Эту сакраментальную фразу я потом слышала не раз. Для меня она звучала как сигнал тревоги, как вой сирены. Итак, на этот раз:

– Друзья мои, все это прекрасно. Но то, что делает Зина, это годится для унавоживания будущей работы.

Со дня той беседы в его кабинете прошло уже 37 лет, а я все помню, слово в слово, и даже слышу его интонацию.

Ну, с русским языком у меня всегда было все в порядке, поэтому слово "унавоживание" я услышала "крупным планом", если крупным планом можно слышать.

Значит, все, что я делала, интеллигентно говоря, фекалии. Я ожидала чего угодно, но только не этого. А мне-то казалось...

И плакала-то я настоящими слезами, и Копеляна любила безоглядно, и вот, – на тебе... фекалии.

В отчаянии я взяла под мышку своего четырехлетнего сына и отправила сама себя в ссылку – в дом отдыха "Комарово".

Георгий Александрович все-таки изредка справлялся у Дины Морисовны:

– Ну, как там Зина?

– Плачет.

– Прекрасно. Пускай поплачет.

Зина свое отплакала, и начались настоящие репетиции. Просто все то, что мы сделали с Розой Сиротой, – это был обнаженный второй план, то есть все переживания были вытащены наружу.

И началось их прикрытие. То есть начались поиски характера, не страдания вообще, а именно этой Тамары Васильевны – одинокой, замшелой в своем одиночестве, одичавшей, отвыкшей от нормального, открытого проявления своих истинных чувств.

И в результате получилось то, что потом считалось удачной работой.

Через несколько лет история повторилась, но уже в более усложненном виде.

Репетируем венгерскую пьесу Иштвана Эркеня "Кошки-мышки". Моей героине 63 года, исполнительница на 20 лет моложе. Режиссер Ю.Е.Аксенов. Репетируем долго. Показываем.

И снова "до боли знакомое":

– Ну, что ж, друзья мои, все это прекрасно...

От интонации, требующей продолжения фразы, я догадываюсь, что дело мое, – опять фекалии. Но нет, на этот раз все было, как говорится, еще "смешнее".

– Но то, что делает Зина, – это ни в какие ворота не лезет. Я должен сочувствовать старой женщине и ее несчастной, обманутой любви, а по сцене бегает молодая Зина с красивыми ногами, и ничего, кроме раздражения, у меня не вызывает. Надо что-то делать.

И началась моя жизнь под девизом "В поисках старухи".

Это было что-то жуткое: я на улицах, в магазинах, по телевизору выискивала и воспринимала только старух. Было такое ощущение, будто население города куда-то эвакуировали, и остались одни старухи, все остальное не попадало в поле моего зрения. Целый месяц я жила в каком-то сюрреалистическом кошмаре – старухи, старухи, 35 тысяч старух – с утра до вечера и даже во сне.

Ну, "что-то сделали".

Моя Эржи стала полуглухой, полуслепой, полухромой, с трясущейся головой, истеричной, раздраженной, орущей на дочь, на зятя, на соседку.

С чувством "глубокого удовлетворения" от найденного, показали.

И снова:

– Ну, что ж, друзья мои, все это прекрасно...

Жду! Жду с нетерпением!

Что же "Зина делает" на этот раз?

И как фугасная бомба на голову:

– Но то, что делает Зина, – это называется серпом по одному месту. Я бы такую тещу убил через две минуты утюгом собственными руками. Надо что-то делать.

И тут из меня будто выпустили воздух. Что делать, я уже не знала. Дома я плакала, рыдая, била посуду (благо в квартире я жила одна), проклинала тот злосчастный день, когда какой-то бес вбил в мою дурную башку эту идиотскую мысль – идти в артистки, стала бы портнихой, ты же умеешь шить, приносила бы радость людям и сама получала бы удовольствие, и так до бесконечности – разнообразные монологи на одну и ту же тему.

Георгий Александрович пытался вызывать к себе в кабинет какие-то парные сцены. Мы репетировали. Ни у него, ни у меня это не вызывало никакого энтузиазма. После двух-трех часов абсолютно безрадостных репетиций мы расходились по домам.

И, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. После одной вечерней репетиции во дворе театра я поскользнулась на льду и упала. Да так талантливо, что угодила в больницу с сотрясением мозга и субарахноэдальным (?!) кровоизлиянием. Не буду вдаваться в медицинские подробности, это длинно и неинтересно. Кончилось дело тем, что мне, в переводе на русский язык, продували мозги – делали пункцию, в результате чего отнялись ноги. Потом делали какие-то процедуры, иглоукалывание, ноги стали кое-как слушаться, меня привозили на репетиции и увозили обратно в больницу. На людях я еще как-то держалась, а когда никто не видел, буквально ползла по стеночке. И однажды именно в такой момент он меня увидел во дворе театра.

Назавтра:

– Зина, что у вас с ногами?

Я начала было объяснять долгую и подробную историю о том, что вопрос стоит так, буду ли я ходить вообще.

И тут он отреагировал как истинный художник.

– Это же поможет вам в роли! – обрадованный, как "Эврика!" – закричал мой Г.А.

И вы будете смеяться, но это действительно помогло. На мою Эржи сработало все вновь приобретенное – и моя хромота, и шерстяные гольфы, которые врачи не разрешали мне снимать, и неуверенная походка, и примеривание к дивану перед тем, как сесть.

Короче, роль была готова.

Вот в таких муках родилась моя Эржебет Орбан. И мы с Люсей Макаровой, игравшей мою сестру, получили премию "За лучший актерский дуэт года".

С тех пор я твердо убеждена – роль, не политая слезами, не приносит настоящего удовлетворения, а следовательно, и успеха.

Вот такая история о том, как меня любил Г.А.Товстоногов.

Но и это еще не все.

Следующая история о любви у меня называется "Эзоп".

Когда-то, как в сказках, давным-давно мы были на гастролях в Сочи. Приходит ко мне Дина Морисовна:

– Зина, Георгий Александрович прислал тебе первый акт "Иркутской истории", его интересует твое мнение, понравится тебе или нет.

Я прочла. И представьте, мне понравилось. С хорошим настроением я уехала в отпуск – в новом сезоне меня ждет интересная работа.

Но не тут-то было.

Открытие сезона. Подхожу к распределению ролей.

Валя – Т.В.Доронина.

Немедленно иду в кабинет.

– Георгий Александрович, но мне же понравилось. И, как всегда, без паузы:

– Зиночка! Вы же прочли только первый акт. А во втором, ну, буквально, на каждой пятой фразе все персонажи о ней говорят – "она красивая". Ну, Вы меня понимаете.

И я, конечно, поняла.

Через какое-то время в театре появилась пьеса "Луна для пасынков судьбы". И первый раз в жизни, наступив на горло собственным принципам, – никогда ничего не просить, – я пошла просить роль. Тем более, что некоторые московские драматурги убеждали меня, что другой актрисы на эту роль в природе вообще не существует.

Реакция была сногсшибательная.

– Зиночка, милая. Вы когда-нибудь смотрели на себя в зеркало? Вы же европейская женщина! А мне здесь нужна халда, грубая баба, она бьет своего отца! Короче, даже при большой натяжке, ну, никаким боком это не ваша роль.

И тут у меня наступили просто именины сердца! Так вот, оказывается, в чем дело! Вот, где собака зарыта!

Сам шеф откровенно признался – я европейская женщина!

Так вот почему я не сыграла "Иркутскую историю", она же Валька-дешевка. А я европейская женщина!

Это все, конечно, юмор. Но и у него, действительно – недостаточно красива для "Иркутской истории" и недостаточно уродлива для "Луны для пасынков судьбы".

А об истинном отношении ко мне в разные времена я узнавала, так сказать, опосредовано.

Не в его правилах было объясняться своим актерам в любви.

На первой своей книге "Зеркало сцены", подаренной мне, он написал: "Настоящей актрисе моей идеальной труппы".

Как хотите, но я это восприняла как объяснение в любви.

После "Кошек-мышек" за кулисы пришел известный московский драматург, говорил разные хорошие слова, целовал ручки, на что я ответила:

– Ну, вот. Вы мне такое говорите, а они меня все тюкают и тюкают.

– Я не знаю, кто и как вас тут тюкает, но я сам лично слышал, как Георгий Александрович публично признался, что у него было три настоящие актерские радости, – Лебедев в "Истории лошади", Стржельчик в "Цене" и Шарко в "Кошках-мышках".

Ну, что же это, как не объяснение в любви.

Все мною сказанное, это МОЕ запоздалое объяснение в любви к Георгию Александровичу. Да! Я всю жизнь была в него влюблена. Сильно подозреваю, что иногда он об этом догадывался.

Он, по моим понятиям, воплощал собою мечту Антона Павловича Чехова – "В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли".

Когда-то Татьяна Васильевна Доронина при очередной конфликтной ситуации с Георгием Александровичем обмолвилась: "Я могу работать только с режиссером, который в меня влюблен".

Будучи во всем антиподом Татьяне Васильевне, я "пошла другим путем".

Я предпочла работать с режиссером, в которого влюблена я.

И, как показала жизнь, это давало совсем неплохие результаты.

В 1956 году состоялся мой дебют в спектакле "Когда цветет акация", он поздравил меня с премьерой и сказал только одно слово – "Молодчина". И с тех пор это стало для меня самой высокой оценкой.

23 мая 1989 года в 3 часа дня я пришла к нему в кабинет. У нас был деловой разговор о предстоящем сезоне, об одной пьесе, которой он дал добро, где я должна была репетировать главную роль, о режиссере, художнике, сроках, и вдруг он закричал: "Зина! Что они делают из меня младенца, не пускают сесть за руль автомобиля!".

А накануне он почему-то сказал такую странную фразу: "Настоящий мужчина должен умереть или на коне или за рулем".

Я ушла. А он уехал на своем любимом мерседесе и доехал только до Марсова поля.

Вот так 23 мая 1989 года кончилось мое счастье. Я его не хоронила. Не могла и не хотела.

Только в тот день во сне мы с ним репетировали какую-то пьесу, и я мучительно не знала текста.

Я пришла только на сороковой день, и его сестра мне сказала: "Он тобой гордился. Помни об этом".

И вот уже семь лет я об этом помню и стараюсь жить и работать так, чтобы он продолжал мною гордиться, и чтобы ему нетрудно было это делать.

И каждый день, выходя из дому, я слышу, как он мне говорит: С Богом, ни пуха, ни пера! При выходе из троллейбуса зимой: Осторожненько, сегодня скользко. Утром: С добрым утром! Вечером: Спокойной ночи! И перед каждым выходом на сцену: Ну, Зинуша, с Богом, ни пуха, ни пера! Будь молодчиной!

А на поклонах "Дяди Вани", который по-прежнему идет при непременных аншлагах и с неизменным успехом, он всегда кланяется с нами, он, как прежде, выходит между мною и Лавровым, и я каждый раз слышу: А я у вас неплохой режиссер, не правда ли, Зинуша? И вы у меня молодчаги!

И я, действительно, это слышу. И не потому, что мне этого хотелось бы. Нет. Это так и есть.

● *Георгий Товстоногов на репетиции с Кириллом Лавровом*
● *Сцена из спектакля «Дядя Ваня» Зинаида Шарко – Марина*
● *Георгий Товстоногов на репетиции*
● *Георгий Товстоногов на репетиции вместе с завлитом Д.М.Шварц*

Окончание в следующем номере